

УИНСТОН

ЧЕРЧИЛЬ

Английский
бульдог

Никогда не сдавайтесь -
никогда, никогда,
никогда...

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

Екатерина Мишаненкова

**Уинстон Черчилль.
Английский бульдог**

«АСТ»

УДК 94(092)(410)Черчилль У.
ББК 63.3(4Вел)-8

Мишаненкова Е. А.

Уинстон Черчилль. Английский бульдог / Е. А. Мишаненкова —
«АСТ», — (Эксклюзивные биографии)

Бывают ли люди, которым удается все, за что они берутся? Люди, одаренные таким букетом талантов, какого хватило бы на десятерых, и силой воли, способной преодолеть любые преграды? По крайней мере один такой человек точно существовал. Во всем мире его знают прежде всего как одного из победителей Гитлера, но занимаясь судьбами мира, он успевал еще писать книги, рисовать картины, увлекаться наукой, пилотировать самолеты и дирижабли и делать сотню других дел. Премьер министр Великобритании, лауреат Нобелевской премии по литературе, лучший оратор XX века и, наконец, просто человек, признанный величайшим британцем в истории – Уинстон Черчилль.

УДК 94(092)(410)Черчилль У.
ББК 63.3(4Вел)-8

© Мишаненкова Е. А.
© АСТ

Содержание

Предисловие	6
Уинстон из рода Спенсеров-Черчиллей	7
Королевский кавалерист	17
Молодой либерал	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Екатерина Мишаненкова
Уинстон Черчилль. Английский бульдог

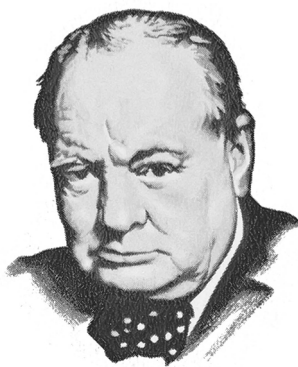
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Предисловие

Бывают ли люди, которым удастся все, за что они берутся? Люди, одаренные таким букетом талантов, какого хватило бы на десятерых, и силой воли, способной преодолеть любые преграды?

По крайней мере один такой человек точно существовал. Во всем мире его знают прежде всего как одного из победителей Гитлера, но занимаясь судьбами мира, он успевал еще писать книги, рисовать картины, увлекаться наукой, пилотировать самолеты и дирижабли и делать сотню других дел.

Премьер министр Великобритании, лауреат Нобелевской премии по литературе, лучший оратор XX века и, наконец, просто человек, признанный величайшим британцем в истории – Уинстон Черчилль.

Мои вкусы просты.

Я легко довольствуюсь наилучшим.

Что касается меня, я оптимист.

Не вижу проку быть кем-либо еще.

Я никогда не тревожусь по поводу своих действий, я беспокоюсь лишь из-за бездействия.

Конечно же, я эгоист.

Как далеко вы уйдете, если не будете им?

Уинстон из рода Спенсеров-Черчиллей

Все началось 12 августа 1873 года во время королевской регаты на острове Уайт, где молодой лорд Рэндольф Черчилль, третий сын герцога Мальборо, встретил очаровательную Дженни Джером, в которую сразу же безумно влюбился. Дженни ответила ему взаимностью, и всего через несколько дней Рэндольф предложил ей руку и сердце. Они поженились 15 апреля 1874 года, а 30 ноября у них родился первенец, которого назвали Уинстоном.

Конечно, тогда никто не мог предсказать, какая великая судьба его ждет. Род Спенсеров-Черчиллей был знатным, а их титул восходил к одному из величайших полководцев в истории Великобритании, Джону Черчиллю, которого королева Анна в 1702 году сделала герцогом Мальборо. Но с тех пор великих людей в их роду больше не было, да и особо выдающихся – тоже. Герцоги Мальборо женились на знатных леди, занимали придворные должности и понемногу проматывали и так не слишком большое фамильное состояние. Достаточно серьезную политическую карьеру за почти двести лет существования титула сделал только дед Уинстона, 7-й герцог Мальборо, но к тому времени премьер-министр Дизраэли уже насмешливо говорил об их семье: «Они недостаточно богаты, чтобы быть герцогами».

Отец Уинстона, лорд Рэндольф Черчилль, будучи младшим сыном обедневшего герцога, не имел особых шансов ни на титул, ни тем более на приличное состояние. Но будучи человеком обаятельным и остроумным, он решил пойти по стопам отца и выбрал политическую карьеру. И поначалу казалось, что впереди у него большое будущее. За два месяца до свадьбы он был избран членом парламента от партии консерваторов и окунулся в политику со всем пылом своих двадцати четырех лет.

«В нем сочетались утонченность и огромное обаяние, – писал о Рэндольфе один из биографов Уинстона Черчилля, Франсуа Бедарида. – Лорд Рэндольф обладал живым умом и хорошими ораторскими способностями. Его речь отличалась остроумием, подчас язвительностью, а колкие замечания метко попадали в цель. Все говорило о том, что Рэндольфу Черчиллю уготовано большое будущее, ведь он не скрывал своей цели – возглавить партию консерваторов. Но отсутствие последовательности в действиях, нездоровый эгоизм, честолюбие, следствием которого были внезапные порывы, а не тщательно обдуманные решения, сводили на нет все его начинания. «Цезарь или ничто», – сказал он однажды своей матери». Увы, Цезаря из него не получилось.

* * *

Мать Уинстона Черчилля, красавица Дженни Джером, была американкой, в чем нет ничего удивительного – к концу XIX века английские аристократы часто разорялись и, чтобы поправить состояние, начали повально жениться на богатых наследниках из США. Даже двоюродный брат Уинстона Черчилля, надменный герцог Мальборо, не побрезговал американскими миллионами наследницы Вандербильтов. Правда, произошло это на двадцать два года позже, в 1895 году, когда у Спенсеров-Черчиллей уже не осталось ничего кроме долгов.

Дженни миллионами похвастаться не могла, но все же ее отец был достаточно состоятелен, чтобы оплатить долги титулованного зятя. Задолжал тот, впрочем, не так уж много для аристократа – около двух тысяч фунтов (примерно девяносто тысяч фунтов на нынешние деньги).

Отец Дженни, потомок французских эмигрантов Леонард Джером, был личностью интересной – адвокат, биржевой спекулянт, «акула» с Уолл-стрит, американский консул в Триесте, совладелец «New York Times» и Тихоокеанской почтовой паровой компании,

яхтсмен, картежник, любитель женщин и лошадей – и это еще не полный список его занятий и увлечений. Мать Дженни, Кларисса, была не столь эффектной персоной, зато от нее она унаследовала примечательную внешность – черные глаза и волосы и смуглую кожу. Поговаривали, что в ее жилах текла кровь ирокезов, и хотя доказательств у этой семейно легенды не было, Уинстон Черчилль в нее верил и гордился тем, что в его жилах намешано столько различных кровей. Уже на закате своих лет он с удовольствием сказал кандидату в президенты США Адлаю Стивенсону: «Я сам – Союз англоязычных стран».

Люди, не готовые делать непопулярные вещи и противостоять реву толпы, не годятся быть министрами в трудные времена.

То, что большинство людей называют непониманием, это понимание, отличное от их собственного.

Бокал шампанского придает веселость. Нервы успокоены, воображение приятно возбуждено, ум становится более резвым. Бутылка производит обратный эффект.

Семья Рэндольфа, конечно, возражала против его женитьбы на незнатной и не слишком богатой американке, отец которой к тому же потребовал заключить договор, по которому ее финансы будут принадлежать ей, а не мужу, как это было принято. Но Рэндольфа неожиданно поддержал принц Уэльский, будущий король Эдуард VII, и свадьба все-таки состоялась.

«Леди Рэндольф обладала ослепительной красотой, её скорее можно было принять за итальянку или испанку. Глаза её были большими и темными, изгиб губ был изысканным и почти озорным, волосы – иссиня-черными и блестящими, в ней было что-то креольское. Она была очень оживлённой и много смеялась, показывая белоснежные зубы, и всегда выглядела счастливой и хорошо проводящей время».

Мария, королева Румынии «История моей жизни»

Выйдя замуж, Дженни с головой окунулась в светскую жизнь, для которой она была буквально создана. Красота, сильный характер, острый ум и умение себя подать надолго сделали ее королевой светских салонов. Правда, для реализации всех своих амбиций ей вечно не хватало денег. Как верно пошутил один из ее знакомых: «Дженни смело можно отнести к такому типу женщин, для которых иметь меньше сорока пар туфель означает прозябать в нищете».

Но никакие светские увеселения не помешали новоиспеченной леди Рэндольф Черчилль (именно так она стала именоваться, выйдя замуж за третьего сына герцога) исполнить главный долг супруги аристократа – родить наследника. Свадьба состоялась в апреле, а уже в конце лета ей пришлось уехать из Лондона в родовое владение герцогов Мальборо – дворец Бленхейм, где царила ее властная свекровь. «Она железной рукой управляла дворцом, – вспоминала Дженни. – От шороха ее юбок трепетал весь Бленхейм».

Тем не менее развлечения продолжались и там, что едва не закончилось печально. По крайней мере, еще одна семейная легенда Спенсеров-Черчиллей гласит, что схватки у леди Рэндольф Черчилль начались 29 ноября, прямо во время бала, на котором она слишком активно танцевала, хоть и была на седьмом месяце беременности. До спальни ее не довели, и в итоге Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль родился в половине второго ночи 30 ноября 1874 года, в дамской раздевалке Бленхейма. Сейчас, когда дворец открыт для посещения, эту комнату тоже показывают туристам, правда, по решению герцогов Мальборо она теперь выглядит куда благопристойнее, не как раздевалка, а как обычная небольшая спальня.

* * *

Счастливым отец Рэндольф Черчилль с гордостью рассказывал друзьям: «Мальчик очень красив, по крайней мере, так говорят все. У него темные глаза и волосы. К тому же он очень здоровенький, несмотря на преждевременное рождение». И надо сказать, о преждевременном рождении он упоминал не зря – в обществе активно болтали, что «раннее появление на свет Уинстона больше вызвано не его торопливостью, а тем же качеством лорда Рэндольфа». Но современные биографы Черчилля не слишком в это верят – слишком много дел его родители планировали закончить к январю, когда по плану должен был родиться их наследник, и его появление на свет в ноябре явно застало их врасплох. Впрочем, это не мешало им быть вполне счастливыми, тем более что любимого первенца они по обычаю высшего света спланировали няне, а сами вновь окунулись в светские развлечения и политику.

«Много ли Уинстон унаследовал от отца, – пишет еще один биограф Черчилля, Пол Джонсон, – это отдельный вопрос. Мне кажется, немного. На самом деле, в нем мало было от Черчиллей, которые, по большому счету были людьми посредственными. Даже основоположник династии, Джон, первый герцог Мальборо, по мнению проницательного Карла II, мог так и остаться тихим провинциальным джентльменом, если бы не амбиции его блистательной жены Сары Дженнингс. Потомки его ничем не прославились. Пятеро из первых семи герцогов страдали хронической депрессией. Известно, что и Уинстон страдал от периодических приступов черной меланхолии, которые сам он называл «тоской зеленой». Они наступали как реакция на сильные потрясения и быстро рассеивались под действием напряженной работы. Унаследованный от отца экстремизм и резкость политических суждений часто работали против него на протяжении всей его карьеры, но было несколько ситуаций, когда и сам он заходил слишком далеко и жестоко за это поплатился. Однако в целом он помнил все ошибки лорда Рэндольфа, и всякий раз ему удавалось удержаться на краю пропасти. В нем не было никаких признаков умственного расстройства, которое сгубило его отца. На исходе девятого десятка Уинстон был вполне дееспособен, ум его был ясен, несмотря на общее физическое угасание.

Единственные по-настоящему счастливые люди на земле – те, чья работа приносит им удовольствие.

В Блэкхайме я принял два очень важных решения – родиться и жениться.

Я вполне доволен ими обоими.

Жизнь есть ощущения; ощущения есть жизнь.

Между тем, от матери Уинстон унаследовал самые характерные свои черты: энергию и любовь к авантюрам, амбициозность, гибкий ум, умение сопереживать, отвагу и стойкость, а кроме того огромное и всепоглощающее жизнелюбие. Он поставил себе цель – стать самым влиятельным политиком Вестминстера, это было своего рода мужской проекцией безудержного желания матери быть самой блестящей леди округа Мейфэр. Дженни сохраняла этот титул более десяти лет, и причиной тому была не только красота ее лица и осанки, – ее манера двигаться, говорить, смеяться, танцевать, ее взгляд были исполнены дьявольским очарованием. Однажды, уже будучи пожилой дамой, она сказала: «Я никогда не примирюсь с тем, что не я самая красивая женщина в этой комнате». Она привыкла к тому, что стоило ей появиться, и все мужские взгляды были прикованы к ней... Она верила, что все в ее руках, все возможно, что традиции, условности и сам порядок вещей могут быть принесены в жертву честолюбию. Леди Рэндольф любила риск и быстро забывала о разочарованиях.

Все эти качества она передала своему первенцу... Мать также научила Уинстона всегда быть в центре беседы».

«Мать всегда казалась мне сказочной принцессой – лучезарным существом, всемогущей владычицей несметных богатств. Лорд Дабернон оставил ее портрет той ирландской поры, и я признателен ему за эти слова:

«Отчетливо помню, как впервые увидел ее. Это было в доме вице-короля в Дублине. Она стояла сбоку, слева от входа. В дальнем конце залы на возвышении красовался вице-король в окружении блистательной свиты, но не он и не его супруга были тем магнитом, что приковывал к себе взгляды, а обрисованная чернотой, чуть обособленная гибкая фигура, словно сотканная из другой, чем все мы, материи – сверкающей, летящей, ослепительной. В волосах любимое украшение – бриллиантовая звезда, чей блеск затмевается победительным сиянием глаз. Обликом скорее пантера, нежели женщина, только с развитым интеллектом, какого не сыскать в джунглях. Мужеством она не уступит супругу – подходящая мать потомкам великого герцога. При этих блистательных качествах в ней столько доброты и живости нрава, что она снискала всеобщее расположение.

Ее любезность, жизнелюбие и идущее от сердца стремление всех заразить радостной верой в жизнь сделали ее центром кружка верноподданных».

И таким же блистанием она была окружена в моих детских глазах. Она светила мне, как вечерняя звезда. Я нежно любил ее – правда, издали».

Уинстон Черчилль «Мои ранние годы. 1874–1904»

Родителей Уинстон очень любил, хоть и почти не видел. Но нет смысла их в этом винить – они были людьми своего времени и своего класса и вели себя точно так же, как подавляющее большинство британских аристократов. В знатных семьях было принято, что первые годы жизни ребенок проводит с нянями, гувернантками и учителями, а потом поступает в школу-пансион и видится с родителями только на каникулах. Очень показательна в этом смысле викторианская пресса – так, например, журнал «The World» рекомендовал светским дамам «держаться подальше от детской, успокаивая себя тем, что у вас есть малыш. Пусть гувернантка приведет детей пару раз в гостиную, чтобы с ними можно было поиграть, как с милыми котятками».

С отцами отпрыски знатных семей виделись еще реже, чем с матерями, «игры с котятками» – это потакание женским слабостям, а мужчина вообще не обязан был вспоминать о детях, пока не придет время выбирать для них школу. Это приводило к курьезам, которые сейчас кажутся анекдотами – так, например, один современник Черчилля рассказывал, что за всю свою жизнь беседовал с собственным отцом всего один раз, а другой, когда в свою очередь обзавелся семьей, как-то раз похвалил хорошее воспитание случайно замеченных в доме детей и очень удивился, когда, ему объяснили, что это его собственные отпрыски.

На этом фоне ничуть не кажется удивительным признание Уинстона Черчилля, которое он сделал в 30-е годы своему сыну: «Сегодня вечером у нас с тобой состоялся продолжительный и живой разговор, длившийся значительно дольше, чем мое общение с отцом на протяжении всей нашей совместной жизни».

Но доля маленького Уинстона была все же лучше чем у большинства мальчиков его круга. Родителей он преданно любил издали, а рядом был человек, который восполнял ему недостаток любви и ласки – его няня, миссис Элизабет Энн Эверест. Она обожала своего воспитанника, и он платил ей взаимностью. Когда родители отправили его в школу и дали ей расчет, Уинстон счел это несправедливым и пересылал ей все деньги, какие ему удавалось

скопить. Он навестил ее перед смертью (в 1895 году), заказал для нее надгробный камень, а потом платил за то, чтобы ее могилу содержали в порядке. А спустя много лет, решив попробовать себя в беллетристике и написав роман «Саврола», он вывел там миссис Эверест в качестве кормилицы героя, которого списал с самого себя.

Люди прекрасно умеют хранить секреты, которых не знают.

Я человек спортивного азарта, я всегда даю поездкам и самолетам хороший шанс уйти.

В больших сложностях рождаются большие упрощения.

Я всегда избегаю пророчествовать о будущем, гораздо лучше пророчествовать о прошлом.

Великие раздоры иногда происходят из мелких случайностей, но очень редко из мелких идей.

Мы должны уметь зарабатывать на жизнь, но мы должны и уметь жить.

Если уж это будет мир порока и скорби, то я возьму себе порок, а вы берите скорбь. Дешевая популярность может оказаться дорого купленной.

«Сразу после рожденья он был отдан на воспитание кормилице, окружавшей его преданной заботой и лаской. Странная вещь – любовь этих женщин. Возможно, это единственная бескорыстная любовь на свете. Ведь насколько естественна любовь матери к сыну – такова ее материнская природа, юноши к своей девушке – это тоже может быть объяснено, собаки к хозяину – тот ее кормит, мужчины к другу – он стоял рядом в моменты сомнений. Во всех этих случаях есть разумное толкование. Но любовь приемной матери к ребенку, заботу о котором ей поручили, на первый взгляд кажется совершенно необъяснимой. Это явление одно из немногих доказательств, что природа человечности гораздо выше банального утилитаризма, и что мы всегда можем надеяться на благоприятную судьбу».

Уинстон Черчилль «Саврола»

* * *

Первые воспоминания Уинстона Черчилля связаны с Ирландией, куда их семья вынуждена была уехать в середине 1870-х, после того как лорд Рэндольф поссорился с принцем Уэльским. Герцога Мальборо очень вовремя назначили вице-королем в очередной раз бунтующей Ирландии, и он уехал в Дублин, прихватив с собой сына, невестку и внука.

«Мы жили в так называемом Охотничьем домике, – вспоминал Уинстон Черчилль, – откуда было рукой подать до вице-королевской резиденции. Здесь прошли почти три моих младенческих года. Ясно и живо помню некоторые тогдашние события. Помню, как дед, вице-король, открывает в 1878-м памятник лорду Гофу. Огромная темная толпа, конные солдаты в ярко-красном, веревки, тянущие вниз блестящее бурое полотно, голос моего грозного дедушки-герцога, гремющий над толпой. Я даже помню слова: «и убийственным залпом разметал вражеский строй». Я понимал, что речь идет о войне, о сражении и что «залп» – это тот сопровождаемый буханьем трюк, который часто проделывали солдаты в темных мундирах

(стрелки) в Феникс-парке, куда меня водили на утреннюю прогулку. Думаю, это мое первое связанное воспоминание.

Другие воспоминания встают отчетливее. Мы собираемся на детское представление. По этому случаю все возбуждены. Настает долгожданный день. Из резиденции мы трогаемся к Замку, где заберем остальную ребятню. Большой квадрат внутреннего двора вымощен брусчаткой. Льет дождь. Дождь лил там почти не переставая – льет и сейчас. Вдруг из дверей Замка в панике повалил народ. Потом нам сказали, что никакого представления не будет, поскольку театр взорвали. От директора осталась только связка ключей. В утешение нам обещали завтра показать руины. Мне очень хотелось увидеть эти ключи, но моей просьбе почему-то не вняли...

В памяти встает высокая белокаменная башня, до которой мы порядочно долго добивались. Мне сказали, что ее взрывал Оливер Кромвель. Я усвоил, что он взрывал все что ни попадя и потому был очень великий человек».

Любопытно, что детская память сохранила именно те события, которые были связаны с войной, политикой и искусством. Похоже, круг интересов Уинстона Черчилля сложился уже в четыре года и с тех пор особо не менялся.

Там же, в Ирландии, он начал учиться читать и считать, в процессе чего выяснилось, что к учебе у него нет ни малейшей склонности. Дальнейшая жизнь показала, что когда Уинстон хотел чему-то научиться, он схватывал все на лету, но ему было невозможно вбить в голову то, что не вызывало у него интереса. Сам он, вспоминая детские годы, насмешливо писал о «грозном оскале Образования» и признавался, что ненавидел гувернантку, буквы, цифры и мечтал только о том, чтобы сбежать и заняться тем, чем хочется. Что он периодически и делал, хоть и знал, что будет наказан.

Когда вы перестаете мечтать, вселенная перестает существовать.

Порой те, кто впечатлил вас меньше всех, повлиял на вас больше всего.

Великое и доброе – редкое сочетание.

У нас много тревог, и иногда одна гасит другую.

Нужно стать справедливым, прежде чем быть щедрым.

«Если какой-либо предмет не возбуждал моего воображения, то я просто не мог его изучать. За все двенадцать лет, что я провел в учебных заведениях, ни одному преподавателю не удалось заставить меня написать даже стих на латыни или выучить хоть что-нибудь из греческого языка, исключая алфавит».

Уинстон Черчилль

В 1880 году их семейство вернулось из Ирландии – партия консерваторов потерпела поражение, и герцог Мальборо был снят с поста вице-короля. За это время многое успело измениться. Дженни родила второго сына, Джона, и это стало последним аккордом их семейной жизни с Рэндольфом – дальше они были лишь друзьями и союзниками, предоставив друг другу свободу в личной жизни. Впрочем, поскольку главным увлечением их обоих в то время была политика, они прекрасно ладили.

Рэндольфа переизбрали в Палату Общин, где он быстро основал что-то вроде собственной мини-партии «консервативных демократов», защищавшей привилегии лордов, но требовавшей социальных реформ для рабочих. Он начал делать успешную политическую карьеру, в 1885 году был назначен государственным секретарем по делам Индии, а в 1886 году – канцлером казначейства. Но надолго он на вершине не удержался – непоследователь-

ность и любовь к скандальным выходкам его подвели, и через полгода он был вынужден уйти в отставку.

Дженни царила в светских салонах, стала одной из основательниц первого женского политического клуба Великобритании – «Лиги первоцвета», но несмотря на занятость и на многочисленные романы, в том числе с принцем Уэльским и королем Сербии, все это время активно поддерживала мужа, писала ему речи, сопровождала его в зарубежных поездках и ухаживала за ним во время болезни (вероятнее всего, это был сифилис), которая и свела его в могилу в 1895 году.

Что касается Уинстона, то большая часть всех этих событий прошла мимо него, потому что в 1882 году его отдали в модную школу-пансион Сент-Джордж, в Аскоте, которая должна была подготовить его к поступлению в Итон. И школа была на самом деле роскошная – по десять учеников в классе, отличное питание, бассейн, электрическое освещение (редкость для 1882 года) и, конечно, футбольное и крикетное поля – ведь для настоящего джентльмена спортивное воспитание было даже важнее чем образование.

Несмотря на свою страстную нелюбовь к учебе, поначалу Уинстон отнесся к отъезду в школу даже с воодушевлением – было интересно готовиться к ней, делать покупки, и конечно его радовала мысль, что он познакомится с другими мальчишками и заведет друзей. «К тому же, – с иронией вспоминал он, – мне втолковывали, что «школьные годы – самые счастливые в жизни». Некоторые взрослые добавляли, что в их время школы были жуть какими суровыми: сплошная травля, еды никакой, каждое утро «скальываешь лед в кувшине» (в жизни своей такого не видел). Но сейчас все перевернулось. Школьная жизнь – одно удовольствие. Мальчикам она нравится. Мне внушали, что некоторые мои кузены с неохотой едут домой на каникулы. Допрошенные мною порознь кузены не подтвердили этого, они только скалили зубы».

Воодушевление продержалось недолго – учиться Уинстону не понравилось, в спорте он не преуспел, зато в полной мере испытал на себе садистские наклонности директора Сент-Джорджа. «По итонскому образцу порка розгами входила важнейшим пунктом в учебный план, – писал он в воспоминаниях. – Уверен, никакой тогдашний мальчик из Итона, и тем более из Харроу, не отведал столько березовой каши, сколько ее скормил малышам, доверенным его властному попечению, наш директор. Ни в одном исправительном заведении Министерства внутренних дел столь жестоких наказаний не допустили бы... Два-три раза в месяц всю школу выстраивали в библиотеке, выкликали имена провинившихся, и двое старших мальчиков уводили их в соседнее помещение, где их секли до крови, а мы, трепеща, слушали их вопли».

Единственным положительным следствием обучения в Сент-Джордже для Уинстона стало то, что именно там он увлекся чтением, что очень подтянуло его общее развитие. В учебе, впрочем, от этого толку не было, он «читал взрослые книги, а по успеваемости был последним в классе».

Вырваться из Сент-Джорджа Уинстону удалось только благодаря миссис Эверест, которая заметила у него следы побоев и сумела убедить его родителей поменять школу. Кстати, впоследствии Сент-Джордж превратился в школу для девочек, и один из ее факультетов стал носить имя Уинстона Черчилля.

Ну а тогда, в далеком 1884 году будущий премьер-министр с облегчением перешел в менее дорогую, но гораздо более спокойную частную подготовительную школу в Брайтоне.

«Там я нашел доброту и сочувствие, с которыми не встречался в своих прежних образовательных опытах. Я пробыл там три года и, хотя чуть не помер от двустороннего воспаления легких, очень окреп в тамошнем бодрящем воздухе и приятной обстановке. Мне позволили заниматься чем мне хотелось: французским, историей, заучиванием пропасти стихов, а

главное, верховой ездой и плаванием. В сознании встает отрадная картина тех лет, никакого сравнения с ранними школьными воспоминаниями».

Уинстон Черчилль о школе в Брайтоне

В 1887 году Уинстону пришла пора поступать в среднюю школу. Конечно, Рэндольф хотел, чтобы его старший сын учился в Итоне – самой престижной школе королевства. Тем более что по традиции все мужчины семьи Спенсеров-Черчиллей вот уже полтора столетия учились именно там. Но два соображения его останавливали. Во-первых, успеваемость Уинстона была такова, что Рэндольф вообще сомневался, что его сын сможет сдать вступительные экзамены в Итон. А во-вторых, недавнее воспаление легких все-таки очень сильно напугало их с Дженни, и они беспокоились, что сырой климат Итона его просто убьет.

В итоге Рэндольф решил прервать семейную традицию и остановил свой выбор на другой престижной школе – Хэрроу. От Итона она отличалась меньшими академическими требованиями и большей ориентированностью на подготовку учеников к военной карьере. А учитывая слабые школьные успехи сына и его любовь к оловянным солдатикам, Рэндольф благоразумно решил, что это самый подходящий для него путь.

Вступительные экзамены Уинстон Черчилль сдал слабо, что и сам признавал. «Я бы предпочел, чтобы меня погоняли по истории, поэзии, усадили за написание эссе, – говорил он. – Экзаменаторы же ставили превыше всего латынь и математику. А решали-то все они. И по этим двум предметам они всегда задавали такие вопросы, на которые я не мог придумать удовлетворительного ответа». Но директор Хэрроу, доктор Уэлдон, побеседовав с ним, пришел к выводу, что, несмотря на провальные результаты экзаменов, мальчик вовсе не глуп и достаточно образован, чтобы быть принятым в их школу. Пожалуй, он был первым человеком в жизни Черчилля, кто оценил его по достоинству, за что тот всю жизнь вспоминал его с благодарностью и уважением.

Но поскольку знания Уинстона все же оставляли желать лучшего, он был зачислен в самую слабую группу, с самой простой программой, что, по его мнению, стало одной из главных удач в его жизни. «Застрыв на низшей ступени, я получил громадное преимущество перед умниками, – писал он впоследствии. – Они все продолжали постигать латынь, греческий и прочие такие же прекрасные вещи. А меня учили английскому языку, ведь такие тупицы только и могут освоить что английский язык. Мистер Сомервелл – прекраснейший человек, которому я многим обязан – был поставлен учить слабоумных самому презренному делу, а именно писать по-английски – не более того. Он это умел. Он преподавал, как никто другой. Мы не только учились доскональному грамматическому разбору, мы постоянно занимались анализом английского языка... Я постиг самую суть обычной британской фразы, а это дорогого стоит. И когда позже моим однокашникам, понабиравшим призов и наград за переводы прелестных латинских стихов и лаконичных греческих эпиграмм, пришлось вернуться к обычной английской прозе, чтобы зарабатывать на жизнь или делать карьеру, я никоим образом не чувствовал себя в невыгодном положении. Естественно, я держу сторону мальчиков, которые учат английский язык. Я бы всех мальчиков заставил учить английский язык, а потом пусть те, что поумнее, вознаградят себя латынью и угостятся греческим. И единственное, за что я бы их порол, – это за незнание английского. И порол бы нещадно».

Ему вообще неплохо жилось в Хэрроу. Там не слишком мучили науками и снисходительно относились к проказам, на которые он был большой мастер. Он неплохо вписался в коллектив одноклассников, увлекся фехтованием и в 1892 году даже победил в чемпионате по фехтованию среди учащихся государственных школ. К тому времени Уинстон был уже полностью нацелен на военную карьеру и даже учился в специальном «армейском» классе, где школьников целенаправленно готовили к поступлению в военные училища – Королевскую академию Вулвич, где готовили артиллеристов и военных инженеров, и в Королевскую

военную академию Сэндхерст, специализирующуюся на подготовке пехотинцев и кавалеристов.

«Я уже нацелился на военную карьеру. Своим влечением я был целиком обязан моей коллекции солдатиков. У меня их было почти полторы тысячи. Все одного роста, все британцы в составе пехотной дивизии и кавалерийской бригады...

Настал день, когда с официальной инспекцией явился мой отец. Все части были изготовлены катаке. Зорким глазом, обворожительно улыбаясь, он двадцать минут обозревал театр военных действий (картина в самом деле была впечатляющая), а потом спросил, не хочу ли я определиться на военную службу. Подумав: «Это же чудо – командовать армией», я выпалил: «Да», – и был пойман на слове. Годами я считал, что отцовский опыт и интуиция распознали во мне военную косточку. А оказывается, как мне сказали позже, он так решил, потому что, по его наблюдениям, для адвокатуры я умом не вышел. Как бы то ни было, игрушечные солдатки повернули всю мою жизнь. С этого времени все мое обучение было нацелено на то, чтобы поступить в Сэндхерст и потом специализироваться в военном деле».

Уинстон Черчилль «Мои ранние годы. 1874–1904»

Однако поступить в Сэндхерст (Вулвич отпадал, для инженера или артиллериста Уинстон слишком плохо разбирался в алгебре и геометрии) было непросто. В июле 1892 года состоялись вступительные экзамены. Проходной балл для кавалерии был 6 457, для пехоты 6 654, а Черчилль набрал всего 5 100. Огорченный Рэндольф жаловался: «Если Уинстон провалит и следующие экзамены, мне ничего не останется, как отдать его в бизнес к Ротшильду или Касселю». Впрочем, свою угрозу он не выполнил, и после второго провала отправил сына на специальные курсы, где того натаскали достаточно, чтобы 28 июня 1893 года его все же приняли в Сэндхерст в качестве курсанта-кавалериста.

Правда, перед этим мировая история чуть было не пошла по другому пути – восемнадцатилетний Уинстон играл в догонялки с братом и кузеном, свалился с моста, получил многочисленные травмы, разрыв почки и вообще лишь чудом остался жив. Зато, выздоравливая, он почти все свободное время тратил на наблюдения за предвыборной борьбой, в которой участвовал его отец. Ходил в палату общин и слушал дебаты, присутствовал на всех обедах, когда в их доме собирались соратники лорда Рэндольфа по партии, и возможно именно тогда почувствовал вкус к политике. Но пока впереди у него была армия.

Меня определили кадетом в кавалерию. Желających попасть в пехоту всегда больше, потому что служить в кавалерии гораздо накладнее. Соответственно тем, кто оказался в хвосте списка, предлагали соглашаться на кавалерию. Я был в восторге, что сдал экзамен, и ликовал, что буду служить верхом на лошади. Я уже на опыте убедился в преимуществах верховой езды перед пешим ходом. Какая прелесть – иметь лошадь! И кавалерийская форма пригляднее пехотной. В приподнятом настроении я написал отцу. К моему удивлению, у него на сей счет было совершенно иное мнение. Он посчитал позором, что я не прошел в пехоту. Он рассчитывал, что я поступлю в знаменитый – из четырех батальонов – 60-й стрелковый полк, у которого форма хоть и черная, но с красными нашивками на обшлагах и воротнике...

Похоже, он уже писал герцогу Кембриджскому, шефу 60-го полка, ходатайствуя о моем зачислении под его начало, и получил благоприятный

ответ. Теперь все эти планы расстроились, и расстроились самым неприятным и разорительным образом...

В общем, он был крайне недоволен, и в надлежащий срок я получил длинное и сердитое письмо, выражавшее мрачное неверие в мою способность к обучению, демонстративное равнодушие к успеху на экзамене, каковой, он полагал, я еле-еле осилил, и тревогу, что мне грозит опасность сделаться «социальной пустышкой». Меня огорчил и напугал этот отзыв, и я поспешил дать обещание исправиться. Все равно – я радовался, что поступил в Сандхерст, что стану настоящим живым кавалерийским офицером уже через каких-нибудь восемнадцать месяцев.

Уинстон Черчилль «Мои ранние годы. 1874–1904»

Королевский кавалерист

В Сэндхерсте Уинстон проучился с сентября 1893 года по декабрь 1894-го, и этот период оставил у него намного больше положительных воспоминаний, чем все школьные годы. «Если в школе я был одиночкой, – писал он впоследствии, – то в Сэндхерсте обзавелся кучей друзей, трое-четверо из коих здравствуют по сей день. Остальные ушли из жизни. Многих друзей и просто ротных товарищей унесла Англо-бурская война, почти всех остальных прикончила Мировая. Немногим уцелевшим вражеские пули порвали бедро, грудь, лицо. Привет им всем».

Порядки в Сэндхерсте были строгие – подъем в шесть утра и до четырех дня уроки по картографии, тактике, фортификации, военной администрации, полковому счетоводству, освоению стрелкового и артиллерийского вооружения, юриспруденции, а так же физкультура, стрельба, копание окопов, строевая подготовка и верховая езда. Вечером у курсантов было свободное время и, наконец, в одиннадцать часов отбой.

Нет лучшей инвестиции, чем инвестиция молока в младенцев.

Университет – это казна, где хранятся будущие сокровища нации.

Если я принес какую-то пользу людям, это никогда не было через самопринуждение, но всегда через самовыражение.

При этом учеба на кавалериста и правда обходилась гораздо дороже, нежели на пехотинца, так что лорд Рэндольф сетовал не зря. Помимо мундира и оружия курсанты должны были содержать за свой счет грума, двух строевых лошадей, одну-двух охотничьих лошадей, а также обязательный набор лошадей для игры в поло.

Здоровья Уинстон всегда был достаточно слабого, поэтому учеба и такой жесткий режим давались ему нелегко. Борясь с усталостью и нервным напряжением, он начал курить и понемногу пристрастился к спиртному, впрочем, в меру, не больше других. Зато ему нравились изучаемые дисциплины, нравилось и то, что в отличие от школы, в Сэндхерсте учат не мертвым языкам, а современным практическим дисциплинам. Ну, а поскольку, как уже говорилось, он всегда легко изучал то, к чему у него лежала душа, можно не удивляться тому, что поступил он туда с самым низшим баллом, а на выпускных экзаменах был уже в двадцатке лучших.

В Сэндхерсте я все начал сызнова. Меня уже не тянуло назад давнее отставание в латыни, французском или математике. Мы все начинали с нуля и на равных. Курс обучения составляли тактика, фортификация, картография, военное право и военное администрирование. Плюс строевая подготовка, гимнастика и верховая езда. Не хочешь – ни в какие игры не играешь. Дисциплина была строгой, занятия в классах и на плацу тянулись долго. К вечеру все валились с ног от усталости. Меня увлекали в первую очередь тактика и фортификация. Отец распорядился, чтобы его книгопродавец, мистер Бейн, обеспечивал меня книгами для учебы... Скоро подобралась военная библиотечка в подкрепление регулярным занятиям...

Мы рыли окопы, насыпали брустверы, обкладывали траверсы мешками с песком, вереском, фашинами или решетчатыми ящиками с щебнем. Мы ставили рогатки и закладывали фугасы. Мы подрывали железнодорожные пути пироксилиновыми шашками, учились взрывать каменные мосты и наводить понтонные или из бревен. Мы чертили

контурные карты всех холмов в окрестностях Камберли, прокладывали рекогносцировочные маршруты в разных направлениях, намечали линии сторожевого охранения для авангарда и арьергарда и даже решали кое-какие несложные тактические задачи. Обращению с гранатами нас совсем не учили, этот вид оружия считался безнадежно устаревшим. Гранаты вышли из употребления еще в восемнадцатом веке, и в современной войне толку от них не предвиделось...

Иногда меня приглашали отобедать в Штабном колледже, в миле от нас, где умнейших армейских офицеров готовили к высшему командованию. Здесь учили распоряжаться дивизиями, армейскими корпусами и даже целыми армиями; разговор шел о базах, снабжении, коммуникациях, о железнодорожной стратегии. Восторг! Думалось только, что все это, к сожалению, одна игра фантазии, что время войн между цивилизованными народами навсегда отошло в прошлое. Родиться бы пораньше лет на сто – вот была бы красотища! Чтоб девятнадцать тебе стукнуло в 1793 году, когда впереди больше двадцати лет войн против Наполеона! Такое не повторится. После Крымской войны британская армия ни разу не палила по белокожим, нынешний мир делается все более рассудительным и миролюбивым (и вдобавок демократическим) – великое время отшумело...

Уинстон Черчилль «Мои ранние годы. 1874–1904»

20 февраля 1895 года Уинстон Черчилль получил звание младшего лейтенанта и был зачислен в один из самых блистательных полков английской армии – 4-й гусарский полк Ее Величества. А меньше чем за месяц до этого, 24 января, умер его отец, лорд Рэндольф. И хотя он уже давно был болен, Уинстона его смерть сильно потрясла. «Все мои мечты о совместной деятельности с ним, о вступлении в парламент на его стороне и с его поддержкой, растаяли словно дым, – вспоминал он. – Теперь мне оставалось лишь следовать его целям и отстаивать его память».

Меня всегда поражало преимущество жить в более раннюю эпоху. Те, кто жил раньше, имел возможность первым сказать правильные вещи. Снова и снова обнаруживал я, что мои мысли, которые казались мне достойными оглашения, уже были кем-то использованы и очень часто испорчены прежде, чему меня появилась возможность высказать их.

Если хотите высказать что-то важное, не пытайтесь звучать утонченно или умно. Используйте молот. Ударьте по аргументу один раз. Потом вернитесь и ударьте снова. После чего ударьте в третий раз.

Глядя на эти бесформенные массы, лежащие в гробах, завернутые в стандартные одеяла, гордость нации, помпезность империи, военная слава предстают ничем более, нежели тусклой, бесплотной тканью мечты.

Когда я был молод, меня обвиняли в непостоянстве взглядов и склонности меняться. Теперь меня бранят за упорство в тех взглядах, которые я имел в юности, и даже за повторение речей, которые я произнес задолго до того, как большинство из вас родились.

Это вообще был тяжелый для него год – 2 апреля скончалась бабушка по материнской линии, а 3 июля от острого перитонита умерла его любимая няня миссис Эверест, о которой он говорил, что это был «самый дорогой и самый близкий друг в первые двадцать лет моей жизни». Спустя много лет, вспоминая свою старую няню, безжалостно выставленную

родителями с работы, после того, как в ее услугах перестали нуждаться, он писал: «Когда я задумываюсь о судьбе бедных старых женщин, за которыми некому присмотреть, которым не на что дожить последние дни, я радуюсь, что приложил руку к той системе пенсий и страхования, какой нет ни в какой другой стране и которая так их поддерживает».

Смерть близких людей и совпавшее с этим начало военной карьеры заставили Уинстона резко повзрослеть. Детство осталось позади. «Мир существует, чтобы быть завоеванным», – заявил он, составляя план кампании по достижению славы. Он быстро понял, что военная карьера не совсем для него, его главное оружие – слово. Но чтобы превратить слова в деньги и карьеру, сначала надо было повоевать. Тем более, это ведь так увлекательно. «Чем дольше я служу, – признавался он в письме к матери, – тем больше мне нравится служить, но тем больше я убеждаюсь в том, что это не для меня».

Эндрю Малхолланд в своей книге «Черчилль. История за час» пишет, что молодой Черчилль жаждал приключений, риска, общественного внимания и конечно денег. Их семья никогда не была особо богата, и хотя мать ему помогала, этих средств и офицерского жалованья было явно недостаточно для того образа жизни, который он хотел вести, чтобы достойно смотреться в кругу своих блестящих товарищей. И тогда он предложил газете «Daily Graphic» поработать на них в качестве военного корреспондента. Идея оказалась удачной и положила начало его многолетней журналистской и литературной деятельности.

На Кубу Черчилль отправился вместе со своим приятелем Реджинальдом Барнсом и по пути туда впервые побывал в Соединенных Штатах, которые произвели на него большое впечатление. В Нью-Йорке он остановился в доме знакомого своей матери Берка Кокрена, известного политика, депутата от Демократической партии в палате представителей конгресса США. Яростная риторика Кокрена, его политические связи и деловые ужины привели Уинстона в восторг. Он уже подумывал о политической карьере, но теперь желание попробовать себя на этом поприще превратилось в твердое намерение.

На Кубе он впервые попал под пули, причем это случилось в день его рождения – ему исполнился 21 год. Кубинские мятежники показались Черчиллю бездарными непрофессионалами. Да и испанская армия также не вызвала у него особого уважения. С другой стороны, он признавался, что именно там, на месте, впервые взглянул на конфликт по-новому. Раньше он полностью сочувствовал мятежникам, но поставив себя на место испанцев, понял, что как представитель одной великой державы не может не понять другую державу, которая не хочет потерять колонии. Тем не менее, в целом поездкой на Кубу Уинстон остался доволен. Здесь он сочинял живописные репортажи для «Daily Graphic», а также пристратился к гаванским сигарам, которые курил до конца жизни.

Выбор, который нам приходится делать, это не всегда выбор между хорошим и плохим; очень часто выбирать приходится между двумя совершенно ужасными альтернативами.

По свету ходит огромное количество лживых домыслов, и самое худшее, что половина из них – чистая правда.

Копить деньги – вещь полезная, особенно если это уже сделали ваши родители.

* * *

Вернувшись в Англию, он вместе со всем полком получил назначение в Индию, в Бангалор. Индия его не слишком интересовала, хотя позже он с удовольствием описал ее в мемуарах. Но тогда он большую часть времени проводил за чтением британских газет, следя за

событиями на родине, в промежутках между газетами успевая поучаствовать в подавлении мятежных пуштунских племен и описать эти события уже в качестве корреспондента «The Daily Telegraph».

Кроме того, именно в Индии его вдруг одолело желание учиться. Возможно, дело было в том, что теперь, выбрав путь политика, он сравнил себя с наиболее выдающимися государственными мужами и понял, что сильно уступает им по широте и глубине знаний. А если он хочет обойти их, уступать ни в коем случае нельзя.

«Только зимой 1896 года, когда я отгулял на земле двадцать два года, меня вдруг потянуло к учебе. Я начал ощущать свое полнейшее невежество в очень многих наиважнейших областях знания. У меня был недурной словарный запас, я любил слова и ощущение, когда они с поразительной точностью ложатся во фразу, словно пенни в щель игрального аппарата. Я ловил себя на том, что употребляю много слов, точного значения которых не знаю. Мне они очень нравились, но я стал их избегать, боясь оскандалиться...

Словом, я решил осваивать историю, философию, экономику и подобные им науки; я написал матери, просил присылать книги по этим отраслям, и она живо откликнулась, каждый месяц почта доставляла мне посылку с основополагающими, на мой взгляд, трудами...

С ноября по май я каждый божий день по четыре, по пять часов читал книги по истории и философии. «Республика» Платона – практической разницы между ним и Сократом я не углядел; «Политика» Аристотеля под редакцией нашего доктора Уэлдона; Шопенгауэр о пессимизме, Мальтус о народонаселении; «Происхождение видов» Дарвина – все это вперемешку с трудами менее достойными. Занятное я получал образование. Во-первых, я подошел к нему с пустым, алчущим умом и с крепкими челюстями; сглатывал все, что мне попадалось; а во-вторых, рядом не было никого, способного подсказать: «Этому уже нет веры», или «Прочти полемический труд такого-то; два мнения помогут тебе уяснить суть проблемы», или «На эту тему есть книжка получше», и так далее. Вот тут я впервые позавидовал университетским сосункам, у которых есть прекрасные наставники-толкователи, профессора, всю жизнь набравшиеся знаний в самых разных областях и жаждавшие поделиться накопленными сокровищами, пока не накрыла тьма. А сейчас мне жаль этих студизусов, когда я вижу, как легкомысленно они упускают сквозь пальцы драгоценные, быстро преходящие возможности. Человеческая Жизнь должна быть распята на кресте либо Мысли, либо Действия. Без труда – беда!»

Уинстон Черчилль «Мои ранние годы. 1874–1904»

Кроме всего прочего в Индии Черчилль решил, что уже дорос до того, чтобы из журналиста превратиться в писателя. Это намерение подогрели лестные отзывы о серии его статей, а также чувство соперничества – от друзей он узнал, что лорд Финкасл тоже собирается написать книгу о той же экспедиции. «Началась гонка – кто поспеет раньше, – вспоминал Черчилль. – Очень быстро я вошел во вкус сочинительства и вскоре уже ежедневно посвящал три-четыре часа полуденного отдыха, проводимых обычно за ломберным столиком или в постели, упорной работе. После Рождества рукопись моя была закончена и отправлена домой матери с тем, чтобы она занялась ее пристраиванием. Мать договорилась с «Лонгменс» о публикации...

Военнопленный это тот, кто пытался вас убить и не смог, а теперь просит вас не убивать.

Никто в жизни не дает такой пьянящей радости, как люди, стреляющие в вас безрезультатно.

Раньше война была жестокой и величественной. Теперь она стала жестокой и убогой.

Кавалерийская атака очень схожа с обычной жизнью. Пока вы крепко сидите в седле, крепко держите поводья и оружие, многие враги предпочитают уйти с вашей дороги.

Подхватив заразу писательства, я решил попробовать себя в качестве романиста. Я обнаружил, что писание романа занимает гораздо меньше времени, чем кропотливое и тщательное нанизывание фактов и составление хроники событий. Стоило лишь начать, и рассказ лился сам собой. Темой я взял некий мятеж в воображаемой республике, не то балканской, не то южноамериканской, описав злоключения вождя-либерала, свергнувшего деспотизм правительства лишь затем, чтобы пасть жертвой социалистической революции. Мои приятели-офицеры отнеслись к моей затее и сюжету романа очень сочувственно и наперебой предлагали мне те или иные способы подогрева читательского интереса к любовной интриге романа, принять которые я не соглашался. Но чего у нас было хоть отбавляй, так это кровопролитных сражений и политики, которые, перемежаясь моими доморощенными философствованиями, вели к эффектному финалу, когда несокрушимый, закованный в броню флот штурмовал местные Дарданеллы, чтобы усмирить мятежную столицу. Роман был закончен за два месяца и вскоре вышел в «Макмиллан мэгэзин» под названием «Саврола». Выдержав несколько книжных переизданий, он принес мне за несколько лет семьсот фунтов. Своих друзей я настойчиво просил этот роман не читать».

* * *

Одновременно с романом вышла и книга воспоминаний о военной кампании, которую Черчиллю сразу переслали в Индию вместе с внушительным количеством рецензий, по большей части хвалебных. Легко себе представить, в какой восторг они могли привести начинающего писателя, чьи сочинения в школе всегда оценивались как посредственные или вовсе плохие.

Не менее важным было и то, что за эту небольшую книгу ему заплатили сумму, равную его офицерскому жалованию за два года. Перед Уинстоном Черчиллем замаячил призрак свободной и независимой жизни, в которой он будет заниматься только тем, что ему нравится! «Я решил, – писал он потом в мемуарах, – что, как только завершатся войны, начинавшие, похоже, разгораться в разных частях земного шара, и мы выиграем кубок в главном турнире по поло, я сброшу с себя все путы дисциплины и гнет всякой власти и заживу совершенно замечательной и независимой жизнью в Англии, где никто не будет отдавать мне приказов или будить меня звуками колокола или горна».

* * *

Ну а пока он продолжал карьеру офицера и журналиста и, следовательно, стремился туда, где происходят самые интересные события. И на тот момент это была Северная Африка, где в 1885 году махдисты вырезали гарнизон Хартума. В 1898 году туда отправили

карательную экспедицию генерала Герберта Китченера, и Черчилль приложил все усилия, чтобы отправиться с ним. Беда была в том, что его к тому времени уже многие недолюбливали, считали выскочкой, а его литературные успехи и вовсе раздражали вышестоящих офицеров. Поэтому генерал Китченер наотрез отказался взять его в свою экспедицию.

Но Уинстон уже знал, что не все решается генералами, и обратился за помощью к матери. Это сработало – Дженни нажала на все педали, вышла через своих друзей на премьер-министра и военное министерство, и, в конце концов, генералу пришлось уступить.

«В те дни английское Общество еще жило по старинке. Это было яркое и могущественное племя, державшееся совершенно теперь забытых норм поведения и способов их охраны. В значительной степени все знали друг друга – и друг про друга тоже. Около ста великих фамилий, правивших Англией на протяжении многих веков и видевших ее восхождение на вершину славы, были связаны тесным родством через браки. Всюду встретишь либо друга, либо родственника. В большинстве случаев первые в обществе были первыми и в парламенте, и на скачках».

Уинстон Черчилль

Сидеть солнечным утром за своим столом, имея четыре чистых часа непрерывного покоя, ручку и массу белой бумаги – вот истинное счастье.

Все то время, когда я не был в правительстве, – примерно половина жизни, – я зарабатывал продажей слов и, надеюсь, иногда продажей мыслей.

На этот раз Черчилль был корреспондентом газеты «The Morning Post». В битве при Омдурмане, состоявшейся 2 сентября 1898 года, он был среди кавалеристов, которым приказали расчистить дорогу на Хартум. Четыреста улан с ходу врезались в две тысячи пеших махдистов. Это была настоящая резня. Черчилля неприятно поразила жестокость его соотечественников, поднимавших на копыта даже сдавшихся в плен противников. Все это вместе с жесткой критикой Китченера нашло отражение в его следующей двухтомной книге «Война на реке».

Затем была Южная Африка, откуда Черчилль (уже ушедший в отставку со службы) снова писал репортажи для «Morning Post» о ходе англо-бурской войны. На этот раз он официально не принимал участия в боевых действиях. Но в его жизни редко что-то обходилось без приключений, поэтому он оказался в бронепоезде в тылу у буров, попал в засаду, взял на себя руководство операцией по освобождению паровоза, попал в плен (где его не расстреляли сразу только потому, что он был сыном лорда), бежал оттуда и совершил рискованный переход через линию фронта, несмотря на то, что повсюду были развешаны листовки с обещанием крупного вознаграждения за его поимку. Неудивительно, что его встретили как героя.

* * *

К 1899 году Черчилль понял, что пора заканчивать не только с военной службой, но и с работой корреспондентом. В карьерном смысле Южная Африка себя исчерпала, война там превратилась в тяжелую и скучную партизанскую кампанию, не приносящую ни славы, ни интересного материала для книг и газет. Военных наград у него уже было достаточно, чтобы уйти, не рискуя репутацией – испанский крест «За военные заслуги» 1-й степени, Индийская медаль 1895 с планкой, Королевская Суданская медаль 1896–1898, Суданская медаль хедива с планкой, Королевская Южно-Африканская медаль 1899–1902 с шестью планками и испанская медаль Кубинской кампании 1895–1898.

Но главное, он уже был известным писателем со стабильным источником дохода. Вернувшись в Англию, он издал две книги: «От Лондона до Ледисмита через Преторию» и «Поход Пэна Хэмилтона», а потом выступил с публичными лекциями в Англии, Канаде и Соединенных Штатах. На всем этом он заработал десять тысяч фунтов и пока мог больше не беспокоиться о деньгах.

Написание книги – это приключение. Сначала она служит вам игрушкой и развлечением, потом становится вашей тайной любовницей, затем превращается в вашего повелителя, а после становится тираном. Наконец, когда вы уже готовы смириться со своим рабством, вы убиваете монстра и выбрасываете его в публику.

Мои планы на конец 1899-го и ближайшие за ним годы были таковы: возвратиться в Индию и выиграть турнир по поло, после чего подать прошение о выходе из военной службы и отправиться в Англию, где, освободив мать от обязанности выплачивать мне содержание, заняться сочинением новой книги и писем в «Пионер», попутно изыскивая способ попасть в парламент. Планы эти, как станет ясно из дальнейшего, я в основном выполнил. Следует сказать, что начиная с того года и вплоть до 1919-го, когда я совершенно неожиданно получил богатое наследство по завещанию моей давно покойной прабабки Фрэнсис Энн, маркизы Лондондерри, я жил исключительно своим трудом. Все эти двадцать летя сам кормил себя, а впоследствии и мою семью, при этом не жертвуя ни здоровьем, ни развлечениями. Я этим горжусь, ставлю себе в заслугу и хочу, чтобы моему примеру последовал как мой сын, так и прочие мои дети...

Уинстон Черчилль «Мои ранние годы. 1874–1904»

Тем более он давно подготавливал себе путь для перехода в другую профессию, налаживая контакты в партии консерваторов. Весной 1899 года он вышел в отставку и сразу почти случайно был выставлен кандидатом на досрочных выборах в Олдхеме, заменяя только что умершего представителя консерваторов. Попытка была неудачной, победили либералы, но Черчилль не слишком огорчился. Для него это была проба сил, не более. Серьезно он взялся за дело в следующем году, уже после своего наделавшего много шума побега из плена.

Либералы были в ярости от того, что предвыборная агитация Черчилля больше упирала на его «беспримерное личное мужество», чем на толковую политическую программу, но выборы 1900 года не зря получили название «выборы цвета хаки» – они проходили в обстановке сильного влияния на общество англо-бурской войны. И конкурировать с героем этой войны было сложно. В избирательном округе Черчилля встречали с оркестром, игравшим «Гляди, идет победивший герой». Победа на выборах стала его личной победой, а не триумфом партии консерваторов.

И вот в феврале 1901 года Уинстон Черчилль впервые вошел в Палату Общин в качестве депутата и занял угловое место, которое когда-то занимал его отец. За его плечами было уже столько всего, сколько многим людям не удастся повидать за целую жизнь. А между тем его жизнь на самом деле еще только начиналась, все самое важное ожидало его впереди.

«Мне было двадцать шесть лет. Стоит ли удивляться, что я считал, будто достиг всего? Но, к счастью, жизнь не так проста и прямолинейна, иначе мы слишком быстро добились бы до ее финала».

Уинстон Черчилль

Молодой либерал

«Идеальное общество, за которое боролся Черчилль, должно было состоять, по его замыслу, из класса сердобольных богачей, добровольно жертвующих частью своих богатств, и из предприимчивого, благонамеренного рабочего класса, с глубокой признательностью эту жертву принимающего».

Чарльз Мастерман, либеральный политик и журналист

31 мая 1904 года Черчилль как обычно вошел в здание Палаты Общин. По словам репортера «Манчестер Гардиан», он «посмотрел на свое привычное место... затем, перевел взгляд на скамью, что находилась напротив, поклонился креслу, которое занимал председатель, а затем резко повернулся и внезапно прошагал направо, заняв место среди либералов».

Тори (члены консервативной партии) были в шоке – их молодая звезда, сын и внук консерваторов, перешел в либеральную партию. Об этом много говорили, политический бомонд осуждал его поступок, злые языки утверждали, что ему просто надоело ждать, и пообещав ему родная партия министерский портфель, он и не подумал бы податься в стан «врагов».

* * *

Но опытные политики удивлены не были. И не все даже осуждали его поступок. К этому шло уже давно, и вряд ли Черчилля в тот момент можно было чем-нибудь удержать в рядах тори. Он слишком сильно расходился с ними во взглядах и не желал подчиняться их лидеру Артуру Бальфуру. За первые четыре года в Палате Общин он уже приобрел репутацию бунтаря в рядах консерваторов, поскольку не раз голосовал против своей партии, поддерживая законопроекты либералов, и даже сблизился с Ллойдом Джорджем – наиболее ярким и талантливым политиком либеральной партии.

Так, например, он выступал с резкой критикой проекта увеличения расходов на армию, представленного военным министром, и выражал несогласие с политикой консерваторов по вопросам свободной торговли и колониальной политики. Выступал Черчилль и за социальные реформы, осуждая жесткую позицию тори. «Как мало славы, – говорил он, – в том, что империя, которая правит морями, не в состоянии улучшить жизнь своих собственных подданных».

Поддерживал он и возмущавшую многих консерваторов идею предоставления женщинам гражданских прав – он проголосовал за нее в 1904 году, а когда ему задали прямой вопрос, сочувствует ли он идее о предоставлении женщинам права голоса, ответил: «Эти требования нельзя оспаривать ни с точки зрения справедливости, ни с точки зрения логики. Меня можно считать дружески настроенным человеком по отношению к движению. И, надеюсь, мое слово примут на веру, если я пообещаю: как только это позволят обстоятельства, я сделаю все возможное, что будет в моих силах». Что, кстати, не помешало ему в 1910 году проголосовать против, потому что в тот момент он считал принятие такого закона несвоевременным.

Как по мне, вы не сможете иметь дело с наиболее серьезными вещами, если не понимаете наиболее забавных.

В два прыжка пропасть не перепрыгнуть.

Нужно стремиться сочетать добродетели мудрости и дерзости.

Сражения выигрываются убиением и маневром. Чем лучше генерал, тем больше добивается он маневром и меньше требует убиения.

Но самое главное – он вообще никогда не был «человеком партии». Он был сам по себе, и его интересовали не интересы консерваторов или либералов, а интересы народа и, конечно, свои собственные. Он даже не подумал поменять избирательный участок – выставил свою кандидатуру в Олдхеме, где победил в 1900 году от партии тори, и снова выиграл там выборы в 1906 году, уже от либералов, чем конечно снова вызвал негодование в стане бывших соратников.

Однако хоть это и может показаться удивительным, отношения Черчилля с членами партии консерваторов очень скоро выровнялись, а с некоторыми даже стали лучше, чем прежде. Частично это было связано с тем, что теперь они уже не были конкурентами за пост в партии и могли общаться как приятели, а не как соперники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.